

—

«Отныне заключаем счастливый союз, прекрасная пара. Красная нить уже связана, и они будут вместе до старости. Единодушные, благоустроенные в доме, наслаждайтесь юностью книг и мечей. Этим брачным обетом, записанным на красной бумаге; этот союз пары уток-мандаринок, занесённый в реестр. Скрепляем этот договор».

Красная бумага, золотые иероглифы, скреплённые императорской печатью.

В начале 17-го года правления Цзиндэ евнухи упаковали два свидетельства о браке из императорского дворца в парчовые коробки и отправили в резиденцию герцога Суй и резиденцию министра Фу соответственно. Свадьба должна была состояться восемнадцатого числа следующего месяца, то есть через чуть больше чем через месяц.

Резиденция Фу, северо-западный угол, Павильон Бегоний

Хотя двор и назывался «Павильон бегоний», самих бегоний там не было видно; несколько ценных бегоний уже были пересажены в другие дворы. Зато здесь стояла одна слива, цветущая зимой, ещё не полностью осыпавшаяся, её ветви гордо противостояли снегу и морозу. Под ней стоял маленький, изящный столик, который, контрастируя с видом старой сливы, создавал особое очарование.

Когда ему вручили свидетельство о браке, Фу Мин стоял перед окном и рисовал сцену во дворе на закате. Он медленно отложил кисть, обеими руками принял свидетельство о браке, развернул его и внимательно прочитал. Спустя долгое время он тихо вздохнул и сказал: «Я понимаю». Больше он ничего не сказал.

После того как старый слуга, принесший вещи, ушёл, стоящая рядом служанка Вань Лань, растиравшая тушь, с негодованием воскликнула: «Господин так просто согласился?»

Фу Мин слегка усмехнулся: «Если не согласиться, что ещё я могу сделать?»

Дело не в том, что он так покорно смирился с судьбой. В прошлом году, когда дядя сообщил ему об этом браке, он был шокирован, зол, недоволен, но все эти эмоции и сопротивление были бессильны перед властью императора и властью дяди. Возможно, только смерть могла бы принести освобождение. Но он всё же выбрал жить, поэтому ему пришлось смириться с такой судьбой.

«Хотя браки между мужчинами в нынешней династии не являются редкостью, но вы, господин...»

Не успела она закончить, как её прервала служанка Люй Фэй, принесшая воду: «Впредь никогда не говори таких слов. Императорский брак, что случится с теми, кто ослушается? Если мы не хотим навредить господину, то как бы ни было тяжело на сердце, нужно держать язык за зубами!»

«Люй Фэй права», — из внутренней комнаты вышла старая няня, матушка Шэнь, которая была кормилицей Фу Мина.

Матушка Шэнь подошла к Фу Мину, Фу Мин сделал шаг навстречу, она взяла его руки и мягко сказала: «Теперь, когда все дошло до этого, пути назад нет. Мин-эр, просто смотри вперед».

Фу Мин, успокоившись, кивнул: «Я понимаю».

Глаза матушки Шэнь покраснели: «Господин и госпожа рано ушли из жизни, перед смертью они доверили тебя мне, это моя некомпетентность».

Фу Мин покачал головой и сказал: «Пожалуйста, не говори так. Мы все знаем, что происходит в этом особняке. Не говоря уже о тебе, даже если мои родители все еще были бы живы, что они могли бы сделать?»

Матушка Шэнь с трудом улыбнулась: «Нет безвыходных ситуаций. В те годы твоему деду было так тяжело, но он всё же выстоял, и только тогда появился господин, а затем и ты, Мин-эр. Этот дом — не золотая клетка, из которой нельзя выбраться. Если Мин-эр уйдёт отсюда, возможно, это станет поворотным моментом. Давай думать о хорошем, тогда и жизнь в будущем будет более комфортной».

Фу Мин помог своей няне сесть на кан*, а сам сел на табуретку перед каном, положив голову ей на колени, и тихо ответил: «Я запомнил, спасибо тебе за наставления. Ты тоже должна успокоиться и не беспокоиться обо мне втайне».

[* Кан (炕, kàng) – традиционная система отопления в домах северного Китая. Типичный кан представлял собой широкую кирпичную или глиняную лежанку, внутри которой по специально проведенным каналам проходил горячий воздух от печи одновременно являясь дымоходом.]

«Ты, дитя, слишком честный, тебе делают немного добра, а ты помнишь в десять раз больше», — матушка Шэнь поглаживала волосы Фу Мина с улыбкой и слезами. «Не знаю, хорошо это или плохо». Говоря это, она погрузилась в сомнения, и долгое время спустя снова сказала: «Ладно, то, что ты должен знать, нельзя скрывать от тебя. Есть кое-что, о чём следует тебе рассказать».

«Расскажи мне», — Фу Мин встал, готовясь внимательно слушать.

«Между нашей семьёй и семьёй Цзинь, куда ты выходишь замуж, на самом деле есть ещё одна связь, установленная ещё твоим дедом...»

После того как матушка Шэнь закончила рассказ о давних событиях, Фу Мин на мгновение замолчал, затем слегка улыбнулся: «Вот как, я запомню эти вещи».

Матушка Шэнь кивнула: «Причина и следствие разрешились, возможно, это и есть судьба». И добавила: «В этом году тебе исполнилось бы двадцать, но после замужества нет обычая устраивать церемонию совершеннолетия для мужчины-жены. Что поделаеть, Мин-эр, если ты не против, позволь мне уложить тебе волосы и надеть корону».

Фу Мин поспешно сказал: «Как я могу быть против?»

Матушка Шэнь засмеялась: «Это тоже не по правилам, это должны делать старшие мужчины рода. Я, старуха, сначала возьму на себя эту роль, а когда ты выйдешь замуж за семью Цзинь, если муж будет к тебе добр, ты можешь попросить его ещё раз уложить тебе волосы и надеть корону».

Фу Мин сказал: «Твоего присутствия уже достаточно. Все эти годы ты была мне как отец и мать, наставляла меня, заботилась обо мне, воспитала меня, и я не могу отплатить за твою великую доброту, прими три поклона от Мин-эра».

Сказав это, Фу Мин опустился на колени и трижды низко поклонился, громко ударяясь головой. Матушка Шэнь и стоящие рядом Люй Фэй и Вань Лань не могли сдержать слёз, тихо плача.

Матушка Шэнь подняла Фу Мина, усадила его за стол, сама вымыла руки, вытерла их насухо, затем взяла расчёску, поданную Вань Лань, и при свете только что зажжённых свечей медленно и нежно расчёсывала его чёрные волосы, затем умело, но медленно уложила их и надела резную корону из нефрита в виде лотоса, которую подала Люй Фэй. Она заранее много раз репетировала это действие, чтобы всё прошло гладко и безупречно.

Фу Мин встал и повернулся, и действительно выглядел как изящный юноша, подобно молодой сосне после первой зимы, прямостоящий и благородный.

«Мин-эр, с сегодняшнего дня ты стал взрослым. Перед смертью господин дал тебе второе имя». Госпожа Шэнь достала из рукава парчовый мешочек и передала Фу Мину. Фу Мин взял его обеими руками, открыл, внутри был простой листок бумаги, на котором сильными и чёткими штрихами были написаны два иероглифа:

Е Синь (Ночное Сердце).

«Когда родился Мин-эр, была глубокая ночь, за окном луна сияла ярко, как днём. Госпожа очень любила лунный свет, поэтому господин назвал тебя Мин (Яркий). Перед смертью он добавил к этому имени «Ночное Сердце» как второе имя. Он надеялся, что в будущем, даже в самой тёмной ночи, Мин-эр не забудет тот яркий лунный свет и сохранит чистое сердце».

«Мин-эр принимает наставление. Благодарю Отца моего, Мать мою. Есинь впредь непременно не забудет слов родителей, не разочарует надежд родителей». Обратившись к только что взошедшему новому месяцу за окном, Фу Мин глубоко поклонился.

После очень простой церемонии совершеннолетия Фу Мин снова сел рядом со своей няней. «Я ухожу, и не знаю, что ждёт меня в будущем. Я должен был бы оставаться рядом с тобой, но не могу позволить тебе разделить со мной эти непредсказуемые дни. Твои родные не раз писали, желая забрать тебя к себе, чтобы ты наслаждалась внуками и прожила старость в покое. Теперь, как бы мне ни было жаль, я не могу тебя удерживать. Завтра я pošлю человека передать твоим родным послание. В будущем, если будет возможность, я буду писать тебе и навещать тебя. Пожалуйста, береги себя и не беспокойся обо мне».

Няня, услышав это, не могла не вздохнуть снова. Многие слова застряли у неё в горле, всё, что можно было сказать, уже было сказано, а то, что нельзя было, она не могла произнести ни слова, даже если бы ей пришлось стиснуть зубы. В конце концов, она лишь погладила руку Фу Мина и засмеялась: «Я обязательно проживу долго-долго и дождусь, чтобы увидеть тебя счастливым и довольным, только тогда я смогу спокойно предстать перед господином и госпожой».

После того как двое закончили разговор, няня потянула Люй Фэй и Вань Лань и дала им свои наставления. В комнате Фу Мина было мало прислуги, и в будущем его будут сопровождать только эти две служанки, Люй Фэй и Вань Лань, которые были с ним с детства. Если бы это было ради сохранения лица семьи Фу, то нынешняя хозяйка дома, тётя Фу Мина, госпожа Ли, непременно назначила бы ещё нескольких нянь и служанок для сопровождения, но можно ли было доверять этим людям?

Фу Мин был неподалёку, заваривал чай при свете лампы, наблюдая за тремя беседующими людьми и колышущимися тенями на стене. Его беспокойное сердце постепенно успокоилось —

по крайней мере, он был не один. Для него, вероятно, не было большой разницы между особняком Фу и особняком Цзинь. Что ж, пусть будет так, как суждено.

—

Примечания автора:

Фу Мин, второе имя Есинь.

Это первый оригинальный даньмей-роман автора, черновик близок к завершению, сейчас идёт последняя редакция. Пожалуйста, поддержите!

Династия вымышленная, поэтому, пожалуйста, не ищите слишком много подтверждений для различных настроек!

Спасибо!

—

<http://bllate.org/book/12585/1118406>